
Т. А. ТРОФИМОВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШЕЙ

Введение

Разработка проблем этногеза народов нашей страны, как показал ряд исследований советских ученых, только тогда дает плодотворные результаты, когда привлекаются данные различных источников: письменные исторические сведения, данные археологии, этнографии, языковедения и антропологии.

Обычно антропологические материалы при наличии других данных используются в качестве вспомогательного исторического источника, но бывают отдельные конкретные случаи, когда палеоантропологические материалы приобретают решающее значение.

При использовании антропологических материалов как исторического источника, особенно в борьбе с расистскими концепциями этногенеза, одним из основных для советских ученых является положение об отсутствии причинной связи между антропологическим составом населения и его культурой, которая определяется историческим процессом, а не расовыми особенностями населения. Положение о том, что не существует «высших» и «низших» рас, «способных» и «неспособных» к созданию культуры народов, как это пытаются утверждать расисты всех мастей, являются незыблемым не только для советской науки, но и для всей советской общественности. Все народы, независимо от того, к каким они относятся расам, способны к созданию высокой культуры, как это прекрасно доказано практикой социалистического строительства. У нас, в СССР, все народы, в том числе и ранее культурно отсталые, успешно перестраивают свою жизнь по пути создания коммунистического общества.

Необходимо иметь в виду, что, поскольку антропологический состав исследуемой группы обычно является следствием исторических процессов, для этногенетических исследований возможно, а часто и необходимо, идти путем восстановления причины по следствию, привлекать антропологические материалы.

Хотя антропологические типы и изменяются с течением времени, но эта изменчивость не такая значительная, как изменчивость общественных форм и особенностей культуры. Благодаря тому, что направление эпохальной изменчивости постепенно выясняется, для исследователя сохраняется возможность установить морфологическое сходство современного населения с древнейшим населением нашей страны, что и дает основание использовать антропологические материалы в качестве исторического источника.

Для изучения формирования чувашского народа по данным антропологии имеются материалы, полученные на основании исследования современного антропологического состава чувашей, и данные палеоантропологии, относящиеся к различным эпохам жизни людей на территории современной Чувашской АССР и некоторых смежных областей, начиная с эпохи неолита.

1

Чуваши в настоящее время по своему антропологическому составу — народ сильно смешанный, состоящий из различных европеоидных и монголоидных типов и их смешанных форм. По данным экспедиции Института антропологии Московского университета, проведенной под руководством П. И. Зенкевича в 1936 г. при моем участии в Моргаушском, Аликовском, Калининском и Красноармейском районах (по современному районированию), чувашаи характеризуются ростом ниже среднего, обладают удлинённой формой головы (головной указатель 79,3), среднешироким (140,1 мм), но удлинённым лицом (128,4), преобладанием темных волос и темных и смешанных оттенков глаз.

Ослабленный рост бороды, развитая складка верхнего века, встречающийся эпикантус, уплощенное лицо, пониженное переносье — указывают на монголоидную примесь и позволяют характеризовать исследованных нами чувашей по их антропологическим признакам как промежуточную группу между европеоидами и монголоидами. От татар Татарской АССР чувашаи отличаются главным образом более удлинённой формой головы и более низким ростом, более высоким лицом и более узким носом, при этом со значительно чаще встречающейся у них вогнутой спинкой носа; последние два признака сближают их с мари. По общей суммарной характеристике, по преобладающему антропологическому типу чувашаи могут быть отнесены к «средневожскому» или «субуральскому» типу (Бунак), представляющему собой, по всей вероятности, результат древнего смешения европеоидных типов с каким-то длинноголовым монголоидным компонентом (уральским)¹.

Проведенное мной во время работ экспедиции при обследовании чувашского населения визуальное определение антропологических типов позволило констатировать, что среди обследованных 63,5% могли быть отнесены к субуральскому типу, причем почти в половине случаев из этого числа отмечены более или менее выраженные европеоидные черты. Около 21,1% составляли представители различных европеоидных типов как темноокрашенных, так и русоволосых и светлоглазых. Первые из них преобладали. Всего 5,1% обследованных можно было отнести к сублапоноидному типу, отличающемуся относительно низким лицом и широким носом, при ослабленной выраженности монголоидных признаков. Этот компонент у татар встречается значительно чаще. Наконец, 10,3% наблюдений было отнесено к монголоидным типам и их смешанным с европеоидными формами. Только 1/3 из этого состава, т. е. около 3,5% на всю группу обследованных, могла быть отнесена к относительно «чистым» монголоидным формам. Повидимому, среди этих монголоидных типов основным монголоидным компонентом должен быть отмечен длинноголовый тип с высоким и широким лицом, который в наиболее яркой форме выявлен среди прибайкальских эвенков (Рогинский) и некоторых других народов Северной Азии.

Имеющиеся антропологические данные позволяют утверждать, что рядом антропологических типов чувашаи связываются с населением Марийской, Татарской, Удмуртской и Мордовской АССР, а также частично с соседним русским населением².

¹ Возможно, этот компонент был близок к тому, который в настоящее время отчетливо выступает среди манси, хантов, западносибирских татар, башкир, а дальше на восток на Алтае — среди шорцев. Длинноголовый же резко выраженный монголоидный тип с крупными размерами лица, сильно развитым эпикантусом, слабым ростом бороды, встречающийся среди прибайкальских эвенков и некоторых других народов Северной Азии, получил название байкальского или палеосибирского и должен рассматриваться в качестве особого варианта.

² Необходимо при этом отметить, что как состав антропологических типов, так и концентрация их различны у разных соседних народов и, в частности, среди обследованных.

Антропологическое изучение современного чувашского населения должно быть продолжено; в особенности необходимо поставить работы

в юго-восточных районах Чувашской АССР, в местностях, в прошлом относившихся к территории б. Булгарского государства. Дальнейшие исследования могут внести уточнения в намеченную антропологическую характеристику чувашского народа.

Рис. 1. Женщина культуры ямочно-гребенчатого неолита лапоноидного типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребений в Каравайхе (Вологодская область)

2

Переходим к рассмотрению палеоантропологических материалов, которые, взятые в самой тесной связи с данными археологии, несмотря на ряд пробелов, могут пролить свет на историю формирования племен, вошедших с течением времени в состав чувашского народа.

По дошедшим до нас немногочисленным костным остаткам человека, жившего в эпоху неолита и в более позднее время на территории Среднего Поволжья, можно судить о неоднородности антропологического состава этого населения,

относящегося к племенам охотников и рыболовов. Так, на территории Среднего Поволжья для этой эпохи с большой вероятностью могут быть установлены отчетливо различающиеся между собой три антропологических типа: а) европеоидный, 2) лапоноидный и 3) третий тип, сочетающий в строении лица такие особенности как резкий прогнатизм и широкость; эти черты в строении лицевого скелета морфологически напоминают малайские или негроидные формы³.

К первому, европеоидному, типу относятся два черепа из Володарской неолитической стоянки Горьковской области. Оба черепа небольших размеров. Один череп хорошей сохранности характеризуется высоким лбом, сильно выступающим носом и некоторыми своеобразными особенностями строения лицевого скелета и отличается от хорошо

дошедших иной же татар ТАССР. (См. Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.—Л., 1949).

³ Конституция определенное морфологическое сходство, из-за отсутствия фактических данных все-таки приходится воздержаться от установления места и времени происхождения этих антропологических типов.

известного населения европеоидного типа с территории Восточной Европы⁴ позднейших эпох. Черепа лапоноидного типа известны в погребениях неолитической стоянки возле Караваяхи Вологодской области; близкие формы отмечены также в неолитической стоянке Южного Оленьего острова на Онежском озере, в более поздней Языковской стоянке Калининской области; наконец, к значительно более позднему времени — концу II — началу I тысячелетия — относятся черепа из раскопок в Среднем Поволжье (рис. 1). Так, к лапоноидному типу относятся: один череп из раскопок Высоцкого 1870 г. близ с. Ново-Мордово б. Спасского уезда Казанской губ. и два черепа из раскопок Штукенберга 1901 г. из урочища Пустая Морквашка близ с. Моркваша б. Свияжского уезда. Г. Ф. Дебеч относит эти погребения к волжско-камскому энеолиту и считает их, по всей вероятности, более или менее синхроничными Карташихинской стоянке. Но в настоящее время есть основания датировать эти погребения более поздним временем. Так, погребения у Ново-Мордово следует относить к концу II тысячелетия, а у с. Моркваша — к началу I тысячелетия до н. э. На основании короткоголовости в сочетании с малыми абсолютными размерами их Г. Ф. Дебеч считает возможным отнести эти черепа к лапоноидным формам⁵. Широкое распространение лапоноидных форм в неолите на территории Восточной Европы дает основание рассматривать черепа людей лапоноидного типа из Среднего Поволжья как потомков местного неолитического населения.

Третий тип представлен пятью фрагментными черепами из Гавриловской стоянки балахнинской культуры, раскопанной И. Цветковой в Дзержинском районе Горьковской области. Люди этого антропологического типа характеризовались небольшими размерами головы, удлинённой формой лица, прогнатизмом, широким носом, выпуклым нависающим лбом. М. М. Герасимов, сделавший реконструкцию лица женщины по черепу из этой стоянки, пишет в своей книге: «Я затруднен в этнической диагностике этого нового неолитического типа; несомненно, что в данном лице наличествует некоторый элемент малайских черт...»⁶ (рис. 2).

Рис. 2. Женщина балахнинской неолитической культуры с некоторыми „малайскими“ или „негроидными“ чертами в типе лица. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребений в Гавриловской стоянке (Горьковская область)

3

В середине II тысячелетия до н. э. в эпоху бронзы на правобережье Волги — территории современной Чувашской республики — появляются

⁴ Черепа из раскопок И. К. Цветковой Володарской неолитической стоянки в Горьковской области.

⁵ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 83.

⁶ М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1949, стр. 91.

племена скотоводов-кочевников. Население этой эпохи, относящееся к племенам фатьяновской культуры, известно нам по погребениям из Балановского могильника, находящегося в Козловском районе Чувашской АССР.

Вопрос о происхождении фатьяновской культуры до сих пор является предметом дискуссий. Если в зарубежной литературе в связи с развитием «нордической расовой теории» делались настойчивые попытки вывести фатьяновскую культуру из Прибалтики (Тальгрэн, Коссина

Рис. 3. Мужчина балановской (фатьяновской) культуры восточно-средиземноморского типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребений в Балановском могильнике (ЧАССР)

и др.) и рассмотреть носителей ее как «арийцев», то у нас, в советской литературе, преобладала точка зрения восточноевропейского происхождения фатьяновской культуры (Готье, Бадер, Кривцова-Гракова и др.), хотя вопрос о развитии последней на базе местных неолитических охотничье-рыболовецких культур большинством исследователей решался отрицательно. Русские исследователи Спицын и Городцов связывали происхождение этой культуры с Северным Кавказом.

Из Балановского могильника был получен благодаря раскопкам Бадера и Акимовой значительный костный материал хорошей сохранности. В результате изучения черепов из Балановского могильника М. С. Акимова пришла к выводу, что длинноголовый европеоидный антропологический тип относительно узко- и высоколицый из Балановского

могильника, так же как и антропологический тип из могильников фатьяновской культуры Волго-Окского бассейна, «резко отличается от типа, бытовавшего на этой территории в неолитическую эпоху»⁷. Она указывает, что «это положение говорит против теории местного происхождения фатьяновской культуры на основе ямочно-гребенчатого неолита»⁸. Наибольшее сходство антропологического типа людей, погребенных в Балановском могильнике, Акимова видит «с носителями культуры ленточной керамики Средней Европы и мегалитиче-

⁷ М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, Труды Института этнографии, т. I, М.—Л., 1947, стр. 282.

⁸ Там же.

ской культуры юга Швеции»⁹. Основной же вывод, к которому приходит Акимов в результате своего исследования, что «вследствие того, что полного сходства антропологического типа фатьяновцев с отмеченными типами Западной Европы не наблюдается, вопрос о миграции фатьяновцев на имеющемся материале решать преждевременно»¹⁰.

Против выводов Акимовой о сближении антропологического типа балановцев с типами населения Прибалтики и Средней Европы в 1949 г. в печати выступили, независимо друг от друга, два автора — М. М. Герасимов¹¹, давший реконструкции балановцев, и автор настоящей статьи¹². Мы оба защищали южное происхождение антропологического типа балановцев, относя их к так называемому средиземноморскому антропологическому типу. М. М. Герасимов указывал на юго-западное происхождение пришельцев скотоводов-кочевников, погребенных в Балановском могильнике; я постаралась обосновать их родственные связи с племенами восточного Закавказья, обитавшими в ту эпоху на территории современных Армении и Грузии и связанных своим происхождением с племенами Месопотамии (рис. 3).

Не имея возможности более подробно останавливаться на рассмотрении моей аргументации о связи по происхождению антропологического типа населения племен фатьяновской культуры с современной территорией Чувашии с Закавказьем и Месопотамией, ограничусь приведением некоторых выводов из моей опубликованной работы «Об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры»¹³:

«...следует предполагать не только культурное влияние, но и переселения групп людей из областей Закавказья в III—II тысячелетиях до н. э. на территорию Среднего Поволжья, в частности, — в область современной Чувашской республики.

Эпоха II тысячелетия до н. э. в Передней Азии и Закавказье была эпохой крупных социальных сдвигов в связи с развитием классового общества, эпохой войн и военных походов. Это была также эпоха острой борьбы между скотоводческими племенами за пастбища, что должно было вызывать поиски новых областей для освоения.

На основании антропологических данных можно предполагать, что в образовании фатьяновской культуры приняли участие местные степные скотоводческие племена, проникавшие в области Верхнего Поволжья по рекам как с юго-запада из Поднепровья, так и с юго-востока из Среднего Поволжья, среди которых преимущественно был распространен кроманьонидный массивный широколицый тип. При этом вероятнее, что днепровский путь играл большую роль. Этот вопрос на антропологическом материале не решается, но локализация памятников собственно фатьяновской культуры свидетельствует в пользу этого предположения.

Другая группа скотоводческих племен, принявшая участие в формировании восточного крыла фатьяновской культуры (Баланово), представляется на территории современной Чувашской республики пришлой, связанной своим происхождением с Закавказьем и Передней Азией, с ярко выраженным восточносредиземноморским типом».

Повидимому, уже в середине II тысячелетия до н. э. фатьяновские племена пришельцев-скотоводов на освоенной ими территории начинают сливаться с местным лапоноидным населением. На это указывает, по

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 282.

¹¹ М. М. Герасимов, Указ. раб., стр. 93—98.

¹² Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 37—73.

¹³ Т. А. Трофимова. Указ. раб., стр. 72—73.

данным Акимовой, наличие на двух-трех черепах из Балановского могильника некоторой примеси лапоноидных черт.

Выводы о связи балановцев с Закавказьем подтверждаются также и некоторыми археологическими данными, на рассмотрении которых я не имею возможности останавливаться в этой работе. Они были мной рассмотрены в цитированной выше моей статье и еще, несомненно, нуждаются в пополнении¹⁴.

Племена абашевской культуры были неоднородны по своему антропологическому составу, как это показали исследования Г. Ф. Дебеца¹⁵, анализ палеоантропологических материалов и реконструкция М. М. Герасимова¹⁶ (рис. 4). Так, два мужских черепа из Алгашинского могильника и из кургана № 9 Абашевского могильника характеризуются длинноголовым европеоидным типом, массивным, относительно широколицым, несущим на себе черты пережиточно кроманьонского типа; женский же череп из кургана в Катергино-Бишево отличается прогнатизмом, слабо выступающим и очень широким носом, напоминающим по этим признакам негроидные или малайские формы и сходен с женским неолитическим черепом из Гавриловской стоянки.

Рис. 4. Мужчина абашевской культуры европеоидного широколицего типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Алгашинского могильника (ЧАССР)

В формировании абашевской культуры, представлявшей собой поздний этап эпохи бронзы конца II — начала I тысячелетия до н. э. на территории современной Чувашской АССР, как это показал ряд исследователей (Бадер, Кривцова-Гракова, Герасимов и др.), позидимому, приняли участие более древние местные племена и племена балановской культуры; имеются также следы связей с более южными степными племенами срубно-хвалынской и андроновской культур. По антропологическим материалам, связь абашевской культуры с более южными степными скотоводческими культурами может быть подтверждена, так как европеоидный широколицый тип, представленный в погребениях абашевской культуры, хорошо известен как по погребениям хвалынской культуры на территории Чувашии (Байбатырево), так и в более южных погребениях собственно срубной культуры и среди племен андроновской культуры. Может

быть прослежена также связь населения племен абашевской культуры с неолитическим населением балахнинской культуры. Я имею в виду сходство строения женских черепов из Катергино-Бишево и Гаврилов-

¹⁴ См. также статью О. Н. Бадера «К вопросу о балановской культуре», Советская Этнография. № 1, 1950, стр. 58—81. Примечание сделано в корректуре.

¹⁵ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 83—86

¹⁶ М. М. Герасимов, Указ. раб., стр. 98—101.

ской стоянки (Герасимов). Связь европеоидного типа населения абашевской культуры с балановцами пока недостаточно доказана. Таким образом, начиная с неолита и кончая концом эпохи бронзы, среди племен правобережья Волги, в пределах области современной Чувашской АССР и смежных районов обитало население различных антропологических типов. Можно думать, что, смешиваясь, эти компоненты вошли позднее в состав сложившегося чувашского народа.

В палеоантропологических материалах с территории Чувашской АССР после данных по абашевской культуре следует перерыв более двух тысяч лет — до XII—XIII вв. нашей эры.

4

Коротко остановлюсь на палеоантропологических материалах, характеризующих население племен левобережья Волги и Волго-Камья в конце II и начале I тысячелетия до н. э., конца эпохи бронзы и времени начала появления железа.

Череп срубно-хвалынской культуры из погребений в Полянках и Маклашеевке III¹⁷ с левобережья Волги у Камского устья характеризуются длинноголовым, относительно широколицым европеоидным типом с некоторой примесью лапонидных черт на отдельных черепках (Дебец, Трофимова)¹⁸. Позднее на этой же территории в эпоху появления железа (Маклашеевка II) население состоит из двух отчетливо различающихся антропологических типов: длинноголового европеоидного, встречающегося среди населения племен срубно-хвалынской культуры, и более короткоголового с нерезко выраженными монголоидными признаками, возможно, связанного с древним местным неолитическим населением¹⁹.

Рис. 5. Мужчина ананьинской культуры монголоидного типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Луговского могильника (ТАССР)

¹⁷ А. В. Збруева, Маклашеевские могильники. «Краткие сообщения ИИМК», т. XXIII, М.—Л., 1948, стр. 22—30.

¹⁸ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 85—86; Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М., 1949, стр. 128—134.

¹⁹ Г. Ф. Дебец. Указ. раб., стр. 151—153; Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, стр. 128—134.

В более поздних погребениях ананьинской культуры из Луговского могильника в Прикамье преобладает ярко выраженный монголоидный тип, относительно низко- и широколицый, с незначительной примесью европеидных форм»²⁰ (рис. 5). Последние, повидимому, принадлежали населению, родственному европеидному населению срубно-хвалынской культуры.

Вопрос о том, является ли население монголоидного типа племен ананьинской культуры прямыми потомками местного древнего неолитического населения или оно может быть связано с позднейшими переселенцами из Западной Сибири, — пока не ясен. Палеоантропологических материалов, относящихся к этой эпохе, с территории Чувашской республики нет.

5

Переходим к палеоантропологическим материалам с территории Чувашской АССР, относящимся к XII—XIII вв. н. э. Палеоантропологические материалы, относящиеся к этой эпохе, пока не опубликованы. По предварительным данным М. С. Акимовой, черепа из могильника Сють-Сирьми (Большая Тояба) характеризуются небольшими абсолютными размерами, короткоголовостью, очень низким и узким лицом и часто слабо выступающим носом. Их можно считать принадлежащими к потомкам местных лапоноидных неолитических форм.

Для характеристики антропологического состава населения болгарской эпохи необходимо значительное количество палеоантропологического материала, чтобы выявить те антропологические компоненты, которые могли быть занесены на территорию Чувашской АССР в результате оседания здесь гунно-булгарских племен.

Булгарская эпоха благодаря ряду раскопок, произведенных частью еще в 70-х гг. прошлого столетия и в особенности А. П. Смирновым в последние годы, значительно лучше освещена палеоантропологическими материалами на левобережье Волги. Палеоантропологические материалы, относящиеся частично к болгарской дозолотоордынской эпохе и более поздней — золотоордынской, разработаны в прошлом А. П. Богдановым, в советское время — Г. Ф. Дебецом и мной.

Палеоантропологические материалы дают основание для установления в составе болгарского населения из погребений на левобережье Волги, в Суваре и Булгарах нескольких краниологических типов: двух европеоидных и трех монголоидных²¹.

Длинноголовый европеоидный тип, установленный в составе болгарского населения, может быть связан с местным степным населением, в состав которого он входил еще в срубно-хвалынскую эпоху; можно также предположить и вторичное его напластование в Среднем Поволжье в связи с оседанием там кочевников из состава болгарского племенного объединения²². Короткоголовый европеоидный тип известен в сарматскую эпоху в Нижнем Поволжье и там же в составе населения эпохи Золотой Орды. Проникновение его на территорию Среднего Поволжья возможно было с булгарами или позднее с золотоордынскими татарами.

²⁰ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, стр. 132—133.

²¹ Там же, стр. 132—143.

²² Об этом приходится говорить широкое распространение в настоящее время среди татарского населения Татарской АССР подлинноголового темнопигментированного с выступающей носовой костью европеоидного типа, имеющего специфические черты сходства с антропологическими типами Северного Кавказа (например, с черкесами и др.).

Из трех монголоидных типов два могут быть связаны с местным средневожским населением: первый — короткоголовый, среднешироколицый и широконосый — может относиться к потомкам монголоидов Прикамья, известных здесь в эпоху ананьинской культуры; место формирования второго — подлинноголового, узколицевого и относительно высоколицевого монголоидного типа — недостаточно выяснено, но, по-видимому, он имеет местное происхождение (Дебеч)²³. Для более поздней эпохи XVII—XVIII вв. этот тип был констатирован Г. Ф. Дебечом на черепах из погребений старого чувашского могильника, находившегося возле деревни Базарные Матаки б. Спасского уезда Казанской губ.²⁴

Третий монголоидный тип, короткоголовый с крупными размерами высоты и ширины лица, может быть связан с кочевническим населением степи — предположительно кипчаками.

С территории Чувашской АССР имеется палеоантропологический материал из раскопок М. С. Акимовой могильника XVII—XVIII вв. под названием Тубах-Мазар Козловского района. Палеоантропологические материалы из этого могильника еще не опубликованы. Над ними в настоящее время работает М. С. Акимова.

Краниологический тип, установленный на черепах из чувашского могильника XVII—XVIII вв. возле деревни Базарные Матаки на левобережье Волги и известный также по раскопкам в Бабьем бугре в Булгарах, о котором мы уже говорили выше, часто встречается среди современного населения Чувашии и известен в антропологической литературе под названием средневожского, или субуральского.

6

На основании имеющегося палеоантропологического и антропологического материала, рассмотренного в связи с данными археологии и истории, можно заключить, что формирование чувашского народа произошло на основе местного аборигенного населения, состоявшего из различных европеоидных и древних лапоноидных компонентов и их смешанных форм, известного на территории Среднего Поволжья со времени неолита и эпохи бронзы. Эпоха и место формирования средневожского (субуральского) типа еще не ясны, но можно думать, что формирование этого компонента среди населения Среднего Поволжья происходило, еще начиная с эпохи неолита, так как этот компонент широко представлен не только среди чуваш, но и среди мари, а также был установлен на черепах из рязанских могильников VII—XI вв. и среди вятических черепов XI—XIII вв. (Трофимова, Дебеч). Этот факт не может быть объяснен только поздними связями этих народов.

Пограничное положение территории современной Чувашской республики между лесом и степью, расположенной по течению крупной водной магистрали — Волги, между устьями Оки и Камы, приводило к тому, что еще во II тысячелетии здесь, на окраине степи, оседали отдельные волны кочевников, происходившие как из отдаленных степных или горно-степных районов Кавказа (Баланово, фатьяновская культура), так и из ближайших поволжских степей (абашевская и хвалынская культуры).

²³ Г. Ф. Дебеч, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, Антропологический журн. М., 1932, № 1, стр. 57—58.

²⁴ Необходимо, однако, отметить, что этот антропологический тип первоначально был установлен на черепах из так называемого «Бабьего бугра», той части этого могильника, которая по всей вероятности являлась братской могилой золотоордынской эпохи (А. П. Смирнов), но в других погребениях болгарской эпохи, а также среди современного татарского населения он не прослеживается. См. также Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, стр. 262—263.

Оседание на территории современной Чувашской республики более поздних кочевников — гунно-булгар, прослеженное на археологическом материале, не освещается антропологическими материалами из-за их отсутствия. Однако весьма вероятно, что длинноголовый монголоидный тип с высоким и широким лицом, устанавливаемый в некотором количестве в составе современного чувашского населения, мог быть занесен на территорию Чувашской АССР осевшими там кочевниками из состава гунно-булгарских племен. Вероятность такого предположения подтверждается тем, что черепа гуннов из Суджинского могильника в Ильмовой пади в Забайкалье²⁵, а также из раскопок гунно-аварских погребений в Венгрии, по данным Бартуца²⁶, характеризуются как раз таким же длинноголовым монголоидным типом. Среди современных народов Северной Азии этот тип, как мы уже указывали, в наиболее яркой форме представлен среди прибайкальских эвенков (Рогинский) и некоторых других народов. Иначе трудно объяснить у чувашей в настоящее время присутствие ярко выраженного длинноголового монголоидного типа с большими высотными и широтными размерами лица. Можно предполагать, что его участие в формировании антропологического состава чувашского населения подтвердится на палеоантропологическом материале. Смещение этого типа с европеоидными, по всей вероятности, образует формы, также сходные с субуральским типом.

Необходимо также отметить, что на левобережье Волги как среди современного татарского населения, так и на палеоантропологическом материале из хорошо датированных погребений в раскопках в Суваре и Булгарах в дозолотоордынскую эпоху этот тип установлен не был²⁷.

Таким образом, в состав позднее формировавшейся чувашской народности, начиная с неолита, вошли следующие основные антропологические типы: 1) лапоноидный (энеолит); 2) европеоидный восточно-средиземноморский (фатьяновская культура, Балановский могильник); 3) европеоидный относительно широколицый тип (абашевская и хвалынская культуры); 4) широконосый и прогнатный тип с «негроидными» особенностями (абашевская культура, Катергино-Бишево, а раньше в неолите на смежной территории Горьковской области — Гавриловская стоянка); 5) монголоидный длинноголовый тип с относительно узким лицом (уральский), который был, вероятно, распространен в составе племен Среднего Поволжья в древности, начиная с эпохи неолита, и вошел в состав марийского народа, возможно, также летописной муромы²⁸ и гятичей, а также и некоторых других групп Среднего Поволжья и Приуралья.

Палеоантропологически в Среднем Поволжье этот тип хорошо прослежен пока только на материалах из поздних чувашских и марийских могильников.

Нужно допустить также и вторичное включение в состав чувашского народа длинноголового монголоидного типа в другом его варианте — «сибирском». Время и этническая группа, занесшая на территорию

²⁵ Ю. Д. Талько-Гринцевич, Суджинское доисторическое кладбище, М., 1926.

²⁶ L. Bartucz. Ober die Anthropologische Ergebnisse der Ausgrabung von Jutas und Öskü, Skythika, 2, Prague, 1929; L. Bartucz, Die Anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Jutas und Öskü, Skythika 4, Prague, 1931; L. Bartucz, Die Geschichte der Rassen in Ungarn und das Werden des heutigen ungarischen Volkstumpens, Ungarische Jahrbücher, Bd. XIX, H. 2—3, 1939

²⁷ Работы А. П. Смирнова в Суваре и Булгарах.

²⁸ Черепа слабой сохраннысти, один — из Борковского финского могильника (окрестности Ревеля, I-я половина I тысячелетия н. э.) и два черепа из Подболотьевского Ревельской обл. (Б. Муромский уезд, VII—XI вв.) могут быть отнесены к длинноголовому типу со слабо выраженными монголоидными признаками — уральскому.

Чувашской АССР этот тип, не установлен, но можно предположить его появление здесь в составе гунно-булгарских племен.

И, наконец, в состав чувашского народа вошли смешанные формы, потомки местного лапоноидного неолитического населения и различных европеоидных и монголоидных компонентов, в разное время бывших в составе племен, позднее включившихся в формирование чувашской народности.

Среди этих смешанных антропологических компонентов образовались новые, особые антропологические типы, в частности, и широко распространенный в настоящее время среди чувашского народа средневожский, или субуральский, тип (результат смешения уральского с европеоидными типами). Сложный антропологический состав чувашского народа, в котором до настоящего времени еще отчетливо устанавливаются различные антропологические компоненты, свидетельствует о сложности его этнического формирования.

Несмотря на неполноту палеоантропологического и археологического материала, по имеющимся данным уже можно сказать, что первоначально чувашская народность (в предбулгарский и булгарский период), а позднее чувашская нация, как и все другие нации, сложилась «из людей различных рас и племен» (С т а л и н).

Настоящая статья может рассматриваться лишь как введение к изучению этногенеза чуваш в свете данных антропологии. Необходимо накопление новых палеоантропологических материалов и дополнительное антропологическое обследование чувашского населения из южных районов. В особенности большой интерес представляют: а) палеоантропологические материалы из фатьяновских могильников типа погребений у Атли-Касы; б) продолжение изучения погребений племен абашевской культуры; в) изучение палеоантропологического материала, относящегося ко времени от конца I тысячелетия до н. э. до конца I тысячелетия н. э.; среди этого материала безусловный интерес представляют могильники ранней булгарской эпохи.